

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ЭНЕРГОСЕКТОРА

DOI: 10.48137/26870703_2025_32_4_6

РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В КОНЦЕ 2025 ГОДА: САНКЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ТОЧКИ РОСТА

Дата поступления в редакцию: 01.12.2025.

Для цитирования: Российский экспорт энергоресурсов в конце 2025 года: санкционные ограничения, логистические вызовы и новые точки роста / А.А. Мигранян, И.В. Юшков, С.П. Митрахович. – Геоэкономика энергетики. № 4 (32). С. 6–27. DOI: 10.48137/26870703_2025_32_4_6

Ключевые слова: мировой рынок энергоресурсов, экономические санкции, российский энергосектор, экспорт нефти и газа, переориентация экспортных потоков, geopolитические факторы, ценовая волатильность, энергетический переход

Целью материала является анализ трансформации глобального рынка энергоресурсов в условиях продолжающегося санкционного давления на Россию, усиления geopolитической турбулентности и усложнения логистики поставок в период до конца 2025 г. Рассматриваются ключевые вызовы для российского топливно-энергетического комплекса, включая изменение структуры экспортных потоков нефти, газа и угля, рост роли азиатских рынков, а также влияние ценовой волатильности и энергетического перехода на стратегические решения компаний и государства.

Методологически материал основан на формате развернутого экспертного интервью с ведущими российскими специалистами в области мировой энергетики, сочетающего элементы качественного анализа, сценарного подхода и сопоставления статистических оценок по итогам 2022–2025 гг. Обсуждение структурировано вокруг блоков, посвященных санкционному режиму, ценовой конъюнктуре, инфраструктурным и финансовым ограничениям, а также изменению позиции России в мировой энергетической архитектуре.

В результате сформулированы оценка устойчивости текущей экспортной модели российского ТЭК, выделены ключевые направления адаптации – углубление перераспределения потоков в пользу стран Азии и Глобального

Юга, развитие альтернативной транспортно-логистической и финансовой инфраструктуры, а также усиление кооперации с незападными партнерами. Практическая значимость материала заключается в возможности использования полученных выводов при формировании среднесрочной и долгосрочной энергетической политики России, а также корпоративных стратегий в условиях сохраняющейся неопределенности глобального энергорынка.

В конце 2025 г. мировые энергетические рынки по-прежнему функционируют в условиях затяжного санкционного противостояния, структурных сдвигов в геополитике и нарастающей фрагментации мировой экономики. На фоне адаптации к ограничениям 2022–2023 гг., перенацеливания сырьевых потоков и усиления роли азиатских рынков перед российским топливно-энергетическим комплексом встает задача не только компенсировать потери традиционных направлений экспорта, но и встроиться в формирующуюся конфигурацию «полицентричной» энергетической безопасности. Одновременно сохраняется высокая волатильность цен на нефть и газ, усиливаемая как решениями ключевых экспортёров и импортеров, так и неопределенностью в отношении темпов энергетического перехода.

В этих условиях особую значимость приобретают экспертные оценки долгосрочных рисков и возможностей для российского энергосектора, связанных с трансформацией санкционного режима, эволюцией европейского и азиатского рынков энергоресурсов, а также развитием транспортно-логистической инфраструктуры. Анализируются устойчивость действующих моделей экспорта нефти, газа и угля, перспективы расширения расчетов в национальных валютах, а также влияние технологических и финансовых ограничений на инвестиционные циклы в добыче и переработке.

Предлагаемая беседа с ведущими российскими специалистами в области мировой энергетики направлена на выявление ключевых факторов риска и точек роста российского топливно-энергетического комплекса в новых геоэкономических реалиях конца 2025 г. В фокусе внимания находятся баланс между санкционным давлением и адаптационным потенциалом компаний, изменение роли России в мировой энергетической архитектуре, а также возможные сценарии развития глобального рынка энергоресурсов в горизонте ближайших лет.

Аза МИГРАНЯН

— Добрый день, Игорь Валерьевич и Станислав Павлович. Наше ежегодное интервью ставит своей целью оценить ситуацию на энергетическом рынке Российской Федерации, российский потенциал сохранить свою нишу на мировых рынках с учетом той активной санкционной политики по отношению к России, к российским резидентам и особенно в нефтегазовом секторе.

Наших читателей интересуют вопросы, как и каким образом у нас складывается ситуация по внешним трекам ресурсного экспорта; какие направления и потоки движения энергетических ресурсов удается сохранить. Также интересны ваши оценки по изменению географии и структуры поставок, характера взаимодействия с нашими действующими и бывшими партнерами, в том числе потому, что они продолжают опосредованно пользоваться и приобретать наши энергетические ресурсы. Кроме того, хотелось бы понять, каким образом введенные санкционные ограничения, все предыдущие и особенно последний (19-й пакет ЕС и санкции США против ведущих российских компаний), которые были введены 22 октября, будут воздействовать на основные российские компании: «Роснефть», «Лукойл». «Газпром» у нас, конечно же, тоже пострадавшая сторона, тем не менее в компании пытаются реабилитировать ситуацию. И, конечно же, наших читателей интересуют вопросы о ситуации в регионах, в целом на внутреннем рынке России с точки зрения того, какие проблемы у нас возникают, каков потенциал, риски и способы их решения.

Игорь ЮШКОВ

— На внутреннем рынке в 2025 г. происходили очень значимые изменения. Цены росли довольно сильно, и в этом году наблюдалось обновление исторических рекордов по стоимости бензина на бирже — сначала 95-го

МИГРАНЯН Аза (Азгануш) Ашотовна, доктор экономических наук, профессор, зав. сектором экономических исследований Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, заведующая отделом экономических исследований Института стран СНГ. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117218, Нахимовский просп., д. 32. **E-mail:** a.mihranyan29@gmail.com; **SPIN-код:** 9433-7609; **ORCID:** 0000-0001-6014-5955

ЮШКОВ Игорь Валерьевич, ведущий эксперт Фонда национальной безопасности, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. **E-mail:** ushkovigor@gmail.com. **SPIN-код:** 5693-0136

бензина в августе, потом в сентябре и 92-го бензина. Причем предыдущие рекорды были поставлены не в 2024 г., а в 2023-м. И действительно, 2025 г. был похож именно на 2023-й, по некой фундаментальной причине, почему цена на бирже очень сильно росла.

В начале 2023 г. вступили в силу новые санкции Евросоюза. Российские компании окончательно уходили с европейского рынка прежде всего на индийский рынок нефти, потому что с 5 декабря 2022 г. было запрещено поставлять в Европу российскую нефть морским транспортом. С 5 февраля 2023 г. запрет распространился и на российские нефтепродукты. В связи с этим осуществлялся окончательный переход на азиатские рынки. Это привело к росту скидок на российскую нефть, что негативно повлияло на общий бюджет страны. Начало 2023 г. можно было охарактеризовать весьма стрессовым.

В целях оптимизации бюджетных расходов государство приняло решение о сокращении выплат нефтяным компаниям по механизму демпфирования на 50% с 1 сентября. Однако впоследствии данное решение было пересмотрено. В 2025 г. произошло фактическое снижение выплат по демпферу примерно на 50% в течение первых восьми месяцев. Это было обусловлено не правительственным решением, а изменением конъюнктуры мирового рынка нефти, где наблюдалось снижение цен, и укреплением курса рубля по отношению к иностранным валютам.

В результате сокращения разницы между экспортными ценами на нефтепродукты и индикативной ценой, установленной государством на внутреннем рынке, нефтяные компании потеряли значительную часть компенсационных выплат по механизму демпфирования.

Для компенсации недополученных доходов, компании начали увеличивать цены на внутреннем рынке, что привело к росту биржевых котировок. В частности, был обновлен исторический рекорд стоимости бензина АИ-95.

Это произошло из-за особенностей механизма демпфирования: выплаты по нему прекращаются, если месячный рост цен на 92-й бензин превышает 10%. Поскольку АИ-95 не учитывается в этом расчете, компании могут свободно повышать его стоимость, сохраняя при этом право на компенсационные выплаты.

В ответ на это Министерство финансов рассматривало возможность расширения коридора допустимого роста цен, при котором компании могли бы получать выплаты. Позднее был издан президентский указ, который фактически заморозил систему обнуления демпфера, гарантируя нефтяным компаниям компенсационные выплаты независимо от роста биржевых цен.

Эти меры привели к обновлению исторического рекорда цены 92-го бензина на бирже в октябре, что усугубило топливный кризис. Среди факторов, способствовавших кризису, можно выделить ежегодный рост потребления бензина на внутреннем рынке и сокращение производства топлива в результате атак на нефтеперерабатывающие заводы.

Но дефицит, который можно было наблюдать в ряде регионов на протяжении 2025 г., был, скорее, экономический. Цена на бирже, как было отмечено ранее, остается высокой. Соответственно, независимые АЗС (компании, у которых есть заправки, но нет своей переработки и добычи) покупают только на бирже. Для того чтобы оставаться в плюсе, компаниям необходимо в розницу продавать по завышенной цене. Однако в связи с контролем антимонопольной службы и предписаниях о снижении цен, сделать они это не могли. С другой стороны, в ряде регионов наблюдалась конкуренция с заправками вертикально интегрированных компаний. В связи с чем в ряде регионов на АЗС продавался только дизель, так как продажа бензина в созданных условиях была бы убыточна.

Поэтому 2025 г. запомнится на топливном рынке именно отсутствием бензина в ряде регионов. Можно **отметить** специфическую проблему в Крыму, связанную с наплывом в туристический сезон. Отдельно необходимо отметить сложную логистику по доставке топлива из других регионов, и поврежденную за прошлые годы систему хранения. ВСУ стремятся нанести удары по топливным хранилищам Крыма и новых регионов. В связи с чем доставка осуществляется бензовозами, которая осложняется несовершенством логистики. Кроме того, в регионе нет заправок вертикально интегрированных компаний, все заправки относятся к независимым АЗС, которые столкнулись с проблемой биржевой цены.

Традиционно наблюдался дефицит топлива на Дальнем Востоке. В регионе давно стоит необходимость строительства нового НПЗ, для наращивания производства бензина. Однако НПЗ так и не построен. Ранее в случае кризиса поставка осуществлялась из Сибири. Но в текущий момент в Сибири не было излишков для поставки, что привело к достаточно сложной ситуации на Дальнем Востоке. Несмотря на то что фактического дефицита удалось избежать, проблема может усугубляться в последующие годы. Поэтому актуальность строительства нефтеперерабатывающего завода на Дальнем Востоке сохраняется.

Несмотря на санкции и возрастающие издержки у компаний, России удалось сохранить прежние объемы добычи (9–9,2 млн баррелей в сутки) и экспорта.

В основном объемы добычи определяются не санкционными ограничениями и даже не экономическими показателями, а установленными ОПЕК+ квотами.

Одним из знаковых событий 2025 г. был рост квот и, соответственно, добычи внутри ОПЕК+. Восемь стран – участниц ОПЕК+, которые в 2023 г., помимо квот, дополнительно добровольно снизили объем производства, в 2025 г. решили вновь наращивать показатели, возвращать эти на рынок. С апреля стали увеличивать квоты по добыче именно для этих восьми стран, синхронизируясь с автомобильным сезоном во всем северном полушарии.

С апреля начались небольшие увеличения добычи, после чего был достигнут стабильный уровень в 411 тыс. баррелей в сутки, далее объемы достигли 500 тыс. Осенью наоборот, постепенно добыча сокращалась, и, таким образом, на рынок была возвращена большую часть объема, который в 2023 г. сокращали. В 2026 г. можно ожидать, что увеличение квот ОПЕК+ будет совпадать с автомобильным сезоном. Внутри организации пришли к некоему консенсусу, что необходимо все-таки конкурировать за рынки сбыта, прежде всего с Соединенными Штатами и другими странами, не входящими в ОПЕК+.

А. М.:

— Спасибо. Станислав Павлович, что вы думаете о влиянии санкций?

Станислав МИТРАХОВИЧ:

— Важно отметить, что экспорт в России держится на высоком уровне. При закрытии российской статистики можно наблюдать даже по западным источникам, что экспорт морским транспортом сохраняется на высоком уровне, что означает неэффективность западных санкций.

Есть разные интерпретации, что именно нужно сделать Западу, конкретно США, — то ли ограничить доходы России, то ли сделать так, чтобы убрать Россию из части рынков, куда потенциально могут прийти американские производители. Это такой вопрос дискуссионный, но в любом случае для России важно, что экспорт сохраняется.

Доходы от экспорта проседают. Если рассматривать статистику Министерства финансов, то за период с января по сентябрь 2025 г. по отношению к аналогичному периоду 2024 г. снижение нефтегазовых поступлений в бюджет составило порядка 20%. Основная причина связана с уменьшением мировых цен на нефть, которые, скорее всего, являются производными от тарифных и торговых войн. Эти войны затеяла администрация Трампа с китайцами, индийцами и Европейским союзом. Поэтому в мире растут ожидания, что нужно будет меньше энергии, раз будет меньше международной торговли, меньше темпов общего экономического роста. Соответственно, это сказалось на российском энергосекторе.

МИТРАХОВИЧ Станислав Павлович, ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: stasmitr@mail.ru. SPIN-код: 6679-3103

Для российских нефтяных компаний и бюджета в целом текущая стоимость рубля по отношению к доллару, регулируемая Центральным банком, не является оптимальной. Центральный банк принимает меры по борьбе с инфляцией, в том числе посредством установления высокой ключевой ставки. Это делается для предотвращения девальвации национальной валюты и контроля роста цен на импортные товары. Девальвация может привести к увеличению стоимости импортных товаров, что имеет значительные социальные последствия.

Тем не менее наблюдается снижение доходов из-за соответствующего курса рубля. Что приводит к уменьшению доходов у нефтяных компаний, всех экспортеров и самого бюджета. Поэтому, как можно предположить на 2026 г. и на перспективу, одним из способов приспособления России к новой конъюнктуре, санкциям может быть определенное снижение стоимости рубля по отношению к доллару. Это положительно отразится на нефтяных компаниях и, конечно, бюджету. Однако эти меры могут привести к инфляции, особенно на импортные товары.

Рассуждения об инфляции являются частью нынешней конфронтации Запада с Россией. В октябре министр финансов США Дж. Бессент оценила инфляцию в России в 20%. Есть теория, что инфляция всегда близка к уровню ключевой ставки. Но официально российские власти говорят о другом.

Тот факт, что западные страны постоянно отслеживают уровень ключевой ставки и инфляции в России, свидетельствует о том, что эти показатели рассматриваются как индикаторы экономического состояния. Они считают, что такие факторы, как снижение нефтегазовых доходов, уровень инфляции, ключевая ставка, – это симптом, что российская экономика и ее энергетический сегмент, не выдержат конфронтации, и Россия будет вынуждена пойти на политические изменения.

На мой взгляд, уровень давления на Россию недостаточен, чтобы привести к смене политического курса. Компании приспосабливаются к санкциям. Российские вертикально интегрированные нефтяные компании уже находятся в санкционном списке, и тем не менее адаптируются. Опять же, сложно представить, чтобы покупатели российской нефти пошли на такие радикальные меры, как резкое ограничение закупок.

Обратите внимание, что Китай сейчас начал открыто (но это сложно скрыть с учетом спутниковой разведки) покупать сжиженный газ с проекта «Арктик СПГ – 2», чего не было еще до недавнего времени. По ситуации на конец октября уже поставлено порядка 11 партий. Проект находится в санкционном списке США, несмотря на это китайцы продолжают закупать газ.

На мой взгляд, у Запада нет возможности вообще, и у США в частности, навязывать свою волю на общемировой энергорынок. Поэтому глобальный прогноз для российского ТЭК и экономики довольно оптимистичный.

Важно отметить, что Министерство финансов России в значительной степени продвигает идею постепенного снижения зависимости от нефти.

Это очень дискуссионный сюжет, но в действительности еще несколько лет назад нефтегазовые доходы бюджета составляли до 40%, то прогноз бюджета на 2026 г. предполагает их всего лишь 20%.

Можно рассмотреть данный вопрос с позиции того, что даже при снижении нефтегазовых доходов России, обусловленном влиянием различных факторов, таких как падение мировых цен на нефть, ценовая война с участием ОПЕК+, санкционные ограничения или другие причины, это не приведет к фундаментальным изменениям в экономике страны или к корректировке ее внешнеполитического курса.

В условиях, когда доля нефтегазовых доходов в бюджете составляет лишь 20%, представляется маловероятным, что сокращение этих поступлений на несколько процентов может привести к экономическому краху. Важно отметить, что обсуждение санкционного давления на Россию не связано с необходимостью пересмотра статистических данных на 2–3%, а обусловлено стремлением достичь значительных результатов, которых пока не наблюдается.

A. M.:

— Спасибо. Здесь мы плавно подходим к международным факторам, которые так или иначе имеют достаточно большое влияние на ситуацию не только российского энергокомплекса, но и в целом мировых энергетических рынков, учитывая высокую долю России на этих рынках.

Необходимо отметить, что по факту происходит существенный передел рынка энергетических ресурсов. Особенно с точки зрения смещения акцентов рынок продавца на рынок покупателя, где разные периоды времени под влиянием разного комплекта санкций перестает работать по существующим механизмам. Происходит смещение акцентов, когда покупатель начинает диктовать цену, и продавцы энергоресурсов вынуждены им подчиняться. Это влияет не только на подсанкционные страны (Россия, Иран, Венесуэла), но и на других экспортёров нефти и газа. Формируются совершенно другие подходы к ценообразованию, которые учитывают интересы растущего числа посредников. По факту каждый новый пакет ограничений способствует увеличению звеньности перепродаж энергетических ресурсов от российских экспортёров до конечного потребителя в целях обезличивания страны происхождения, что, безусловно, приводит к снижению уровня доходов российских резидентов в пользу иностранных посредников, т. е. происходит постоянное перераспределение ренты российских природных ресурсов в интересах посредников. Поэтому подходы к ценообразованию сейчас являются базовым индикатором того, насколько интересны те или иные направления поставок, и насколько инициаторам антироссийских санкций удается сократить доходы российских экспортёров.

Классический рынок продавца, когда продавцы могли влиять на уровень цен через регулирование спроса и предложения, теряет свою эффек-

тивность. В частности, этим занимается ОПЕК+, продолжая достаточно успешно практику балансирования спроса и предложения на рынке посредством регулирования объемов добычи и выхода на мировой рынок основных экспортёров нефти. Очень интересно, как на этом фоне можно отыграть влияние санкций, и можно ли вообще сохранить их влияние с учетом увеличения объемов экспорта нефти стран, не входящих в Организацию? Как меняется ситуация с учетом возможностей расширения взаимного сотрудничества стран ОПЕК? Возможна ли коопeração или конфронтация с разными игроками вне ОПЕК+ на мировом рынке? Есть ли вообще у России такие возможности?

И. Ю.:

— Можно наблюдать, что, действительно, рынок скорее усложнился. Старые факторы также остались, например, ОПЕК+ как инструмент, который был создан еще десятилетия назад в виде некоего альянса крупных производителей. Но даже внутри него теперь есть более сложная система принятия решений об объемах производства. Объем добычи сдерживается, но наблюдаются новые вызовы внутри ОПЕК+. Почему «+» появился? Потому что доля классической ОПЕК постепенно снижалась. Потому что больше стали добывать Соединенные Штаты и в том числе и Россия, появились ряд других игроков. Получается, что ОПЕК+ для оказания значительного влияния на глобальный рынок было бы необходимо существенно сократить или же нарастить объемы добычи.

Внутри классической ОПЕК тоже есть диспропорции. То есть крупнейшие производители Саудовской Аравии, чтобы повлиять на мировой рынок, должны были радикально сокращать добычу. В связи с чем возник вопрос справедливости — почему кто-то один должен идти наперекор своим интересам.

По итогам 2025 г. сложно представить, что в случае распада ОПЕК+ классическая ОПЕК сохранится. Можно утверждать, что ОПЕК+ формально заменила ОПЕК.

Другим значимым событием можно назвать развитие новых проектов по добыче. Это произошло во многом из-за ожидания того, что ОПЕК+ всегда будет гарантом определенной цены и, соответственно, для рентабельности нового проекта.

В связи с этим появились проекты в Гайане, Бразилии и ряде других стран. В США многие компании довольно уверенно стали бурить низкорентабельные участки. ОПЕК+ пришла к выводу, что, если не предпринимать каких-либо действий, можно лишиться места на рынке. В таких условиях конкурент может наращивать добычу, занимая место страны — члена организации на рынке. Недовольство таким прогнозом нарастало и за прошлые годы.

Поэтому к 2025 г. было принято решение, что повышение добычи ОПЕК+ будет снижать цены, что не вызовет критических последствий. Во-вторых, необходимо продемонстрировать, что снижение цен не приведет к сокращению добычи ОПЕК+ и не будет сдерживаться организацией. Это делается для того, чтобы затратные проекты вне ОПЕК+ (например, в Бразилии), понимали, что вывод на рынок затратных проектов не гарантирует высоких цен и может привести к финансовым потерям. Таким образом, одной из целей является предупреждение потенциальных инвесторов о том, что ОПЕК+ не является гарантом стабильно высоких цен на нефть.

В контексте текущей ситуации на мировом рынке нефти, участники ОПЕК+ достигли определенной договоренности. Возвращение на рынок дополнительных объемов добычи нефти в рамках соглашения является сложным процессом. Особенно это актуально в условиях, когда другие факторы оказывают давление на снижение цен.

Для нашей страны текущий момент не является оптимальным для увеличения добычи нефти. Мы сталкиваемся с необходимостью поддержания значительных социальных и оборонных расходов, что ограничивает нашу способность к существенному сокращению затрат. В связи с этим мы считаем, что увеличение объемов добычи в рамках ОПЕК+ на данном этапе не является целесообразным.

Однако отказ от участия в данной стратегии мог бы привести к еще более негативным последствиям. Если бы наша страна не согласилась на согласованное увеличение добычи, это могло бы спровоцировать выход других крупных игроков из соглашения и увеличение объемов добычи нефти без учета общей стратегии. Это, в свою очередь, могло бы привести к развалу соглашения и значительному увеличению предложения нефти на рынке, что вызвало бы резкое падение цен.

Таким образом, несмотря на то, что увеличение добычи нефти в рамках ОПЕК+ приводит к удержанию относительно низких цен на нефть, это является меньшим из возможных зол. Мы продолжаем сотрудничество в рамках данного соглашения, так как считаем, что оно приносит больше пользы, чем вреда.

А. М.:

— Спасибо. Станислав Павлович, вопрос к вам. Можем ли мы констатировать, что ОПЕК+ снижает свою компенсаторную функцию на рынке, с точки зрения колебаний цены, волатильности, и оставляет как бы больше баланса между реальным спросом и предложением. И еще можем ли мы утверждать, что ОПЕК+, понимая ситуацию растущих рисков, сознательно делает ставку на достаточно значимую волатильность, которая будет с большей или меньшей амплитудой снижать рентабельность новых разработок нефти и, соответственно, блокировать рост числа новых внеблоковых

экспортеров на рынке. С этой точки зрения можно ли ожидать повышения интенсивности координации российской позиции с государствами Арабских Эмиратов.

Естественно, что в большей степени саудиты исходят из практических соображений, в первую очередь из соображений наибольшей выгоды для себя, и это понятно, любая нормальная страна преследует собственные интересы. Снижение цен за счет наращивания добычи – стандартный механизм. Но с учетом последнего пакета санкций интересы российских нефтяников противоречат политики Организации, нам выгодно сокращение объемов добычи. Мы же вынуждены, наоборот, наращивать объемы добычи. Но параллельно со странами ОПЕК+ растет добыча у всех стран вне ОПЕК, особенно у Соединенных Штатов. В этой связи уверенности в эффективности координации действий через механизм ОПЕК+ становятся все меньше. Возможен ли переход на двусторонние отношения? Или все упрется в непосредственно pragmatism и выгоду на момент?

Если нет возможности более эффективно влиять на объемы добычи, так как мы не можем ограничить желание любой добывающей страны, в том числе и менее рентабельных проектов, нарастить свои объемы поставок на внешние рынки, то есть ли способ оказывать влияние на спрос, который регулируется через потребности.

Но инструментарий ОПЕК+ не способен преодолеть негативные эффекты уже общемирового санкционного механизма и механизма торговых войн. Остается вопрос, как отстаивать российские интересы на мировых рынках нефти с учетом взаимовлияния двух достаточно сложных разноправленных треков (наращивания объемов добычи и снижения доходности наших экспортных поставок)? Как в этих условиях выстраивать либо национальную стратегию, либо, может быть, какую-то коллективную стратегию с тем, чтобы решать эти проблемы?

М. С.:

– В рамках нашей коллективной стратегии предусмотрено взаимодействие в рамках ОПЕК+. Если бы ОПЕК+ не существовало, то, по мнению экспертов, к 2015 г. организация столкнулась бы с кризисом, аналогичным тому, который испытал обычный ОПЕК.

Дэниел Ергин, признанный эксперт в области энергетики, охарактеризовал ОПЕК как «ассоциацию торговцев», внутри которой существуют фракции с различными экономическими и политическими стратегиями. В частности, часть членов организации выступала за снятие санкций с Ирана, в то время как другая часть была против. Это привело к утрате контроля над рынком и снижению эффективности картеля.

Создание ОПЕК+ позволило восстановить влияние организации на глобальном энергетическом рынке. Однако важно предотвратить повторение

сценария 2015 г., когда ОПЕК утратила свою эффективность. Постоянное увеличение добычи нефти без координации действий может привести к снижению значимости организации.

В связи с этим необходимо рассмотреть возможность пересмотра курса на ускоренное восстановление ранее сокращенной добычи, который был принят ОПЕК+ в 2025 г. Это позволит сохранить баланс интересов всех участников и обеспечить стабильность на рынке.

Хотя вероятность полного распада ОПЕК+ оценивается как низкая (не более 20%), такой сценарий может иметь серьезные последствия для политической субъектности стран-участниц. Распад организации может привести к ослаблению их позиций в диалоге с западными странами и увеличению уязвимости перед давлением со стороны США.

Для обеспечения стабильности и укрепления позиций на мировой арене необходимо развивать интеграционные процессы в рамках БРИКС, ШОС и других международных структур. Финансовый университет, который я представляю, активно занимается изучением этих процессов и разработкой стратегий для повышения эффективности торговли и снижения зависимости от западных инструментов.

Китай уже предпринимает шаги по созданию специальных банков, которые минимизируют взаимодействие с западными финансовыми институтами. Однако для достижения полной независимости необходимо усилить этот контур и обеспечить защиту банков, обслуживающих энергетическую и другие отрасли крупных стран, от возможного давления со стороны США.

Важно создать систему, при которой крупные банки таких стран, как Китай или Россия, будут подчиняться только своему правительству. Это требует нового уровня интеграции и развития международных структур, таких как БРИКС и ШОС.

Евразийский экономический союз также нуждается в раскрытии своего потенциала. Участники союза часто действуют с оглядкой на западные регуляторы, вместо того чтобы строить общий рынок энергетических ресурсов. Необходимо изменить эту стратегию и стремиться к созданию независимого экономического пространства.

Для достижения этих целей необходимо обеспечить организацию торговли энергоресурсами, их транспортировку, финансовое и правовое обеспечение без оглядки на западные страны. Это требует политических усилий, воли и времени, но является необходимым условием для обеспечения стабильности и независимости на мировой арене.

A. M.:

— Спасибо. Мы плавно подходим к вопросам о политической воле. Если мы говорим о той ситуации, которая складывается на рынке нефти прежде всего потому, что газовый рынок уже в 2024 г. отыграл эти же треки, то уси-

ление санкций по отношению к ведущим российским компаниям, к ведущей четверке упирается в вопрос политической воли основных покупателей, или я бы даже их назвала, посредников продвижения российской нефти и нефтепродуктов на международные рынки, прежде всего, на европейские.

Как вы оцениваете ситуацию, складывающуюся после санкций октября этого года Соединенных Штатов, 19-го пакета санкций ЕС по отношению к перспективам дальнейшего сотрудничества России, Индии, Китая, и роли других подсанкционных стран, таких как Иран, Венесуэла, а также стран – членов ОПЕК+ в этой ситуации?

И. Ю.:

– Мне представляется, что введение санкций в отношении Российской Федерации, осуществляемое как Соединенными Штатами Америки, так и Европейским Союзом, приводит к размытию санкционного режима. Это связано с тем, что реализация санкций в полном объеме представляет затруднительной, а Российская Федерация демонстрирует способность успешно обходить ограничительные меры. Даже при введении ограничений в отношении крупных российских компаний, таких как «Газпром нефть», «Сургутнефтегаз», «Роснефть» и «Лукойл», Соединенные Штаты осознают, что полное прекращение их деятельности маловероятно.

Включение этих компаний в список *SDN* не приведет к остановке добычи или экспорта энергоносителей. Компании продолжат свою деятельность, возможно, с увеличением издержек и выстраиванием более сложных цепочек поставок через посредников. Однако это не остановит их работу, так как остановка добычи крупнейшей российской нефтяной компании «Роснефть», занимающей второе место в мире по объему добычи после *Saudi Aramco*, оказала бы значительное влияние на мировые цены на нефть и вызвала бы дефицит на рынке.

Таким образом, Соединенные Штаты, вводя санкции, осознают, что они не будут выполняться в полном объеме. Размытие санкционного режима проявляется и в других случаях. Например, Иран, несмотря на запрет на покупку его нефти, сократил добычу только до уровня, необходимого для внутреннего потребления, а затем постепенно восстановил экспорт, достигнув почти прежних объемов после выхода США из шестисторонней ядерной сделки.

Аналогичные процессы наблюдаются и в других сегментах. Корпоративные санкции воспринимаются как обыденное явление, а секторальные санкции требуют адаптации, но не останавливают деятельность компаний. Санкции не приводят к полному прекращению действий, против которых они направлены, а лишь увеличивают их стоимость. Например, запрет на поставку товаров в Россию не означает, что они не попадут на ее территорию, но их стоимость возрастет.

Индия также демонстрирует игнорирование повышенных импортных пошлин на российскую нефть, введенных Соединенными Штатами. Это свидетельствует о том, что другие страны могут продолжать сотрудничество с Россией, особенно в области энергетики, где отказ от российских энергоносителей может иметь болезненные последствия для мирового рынка.

Таким образом, можно прогнозировать, что в будущем обход санкционных режимов будет становиться все более распространенным. Практика показывает, что сотрудничество в области российской энергетики и экспорта нефти и газа будет продолжаться, поскольку эти товары востребованы на мировом рынке.

A. M.:

— То есть фактически мы приходим к некой фрагментации рынка энергоресурсов по принципу санкционных и несанкционных поставок. Если мы исходим из этого принципа, то мы можем говорить, что прогнозировать достаточно равномерное распределение этих рынков возможно лишь переуступки части доходов природной ренты российских нефтетрейдеров, учитывая объемы спроса у растущих экономик, так называемого глобального юга и стран, инициирующих санкции.

Соответственно, можно констатировать структурный передел рынка, поставки все больше смещаются на евразийский континент (Индия, Китай) с последующим перераспределением на европейские рынки. Новый трек смещения географии поставок актуализирует значимость российских отношений с нашими ближайшими соседями, которые находятся в так называемом дружественном контуре.

Станислав Павлович, каков потенциал преодоления санкционного давления на базе наших интеграционных блоков (ЕАЭС, ШОС, БРИКС, ОПЕК+ и так далее). Возможно ли формирование нового типа отношений, например, консорциума или партнерства так называемых экспортёров и импортеров энергоресурсов в контуре, основных энергоэкспортёров Евразии? Возможны ли согласование определенных действий таких экспортёров, как Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркмения, по организации замещающих поставок через имеющуюся систему трубопроводов, организации новых поставок СПГ, морских поставок через Северный морской путь нашим основным потребителям, обходя санкционные ограничения?

M. C.:

— В рамках интеграционных объединений, о которых мы говорим, присутствуют как потребители, так и поставщики, транзитные участники и переработчики. Таким образом, мы формируем не только новый альянс поставщиков, сколько коалицию суверенных государств, которые в условиях современного мироустройства выстраивают собственные контуры кооперации.

Данный процесс можно охарактеризовать как частичную деглобализацию и создание нового формата взаимодействия, который не ограничивается конфедерацией глобального Юга и Востока, а представляет собой союз суверенных государств, готовых осуществлять торговлю на собственных условиях, даже если ключевые страны Запада вводят ограничения на подобные торговые операции.

Примером может служить намерение России и Китая развивать Северный морской путь, несмотря на возможное включение китайских предприятий, занимающихся производством сжиженного природного газа (СПГ), в санкционный список. Аналогично Россия, Индия и Иран планируют реализовать проект, предусматривающий поставки газа через Среднюю Азию в Иран и его последующую реализацию на индийско-пакистанском рынке. Хотя данный проект может вызвать возражения со стороны определенных участников, мы считаем его перспективным.

Таким образом, мы формируем коалицию государств, готовых действовать в соответствии с собственными правилами и стандартами. Это включает в себя создание собственной системы судоходства, страхования, технологических стандартов, программного обеспечения, бирж, моделей ценообразования и искусственного интеллекта. Возможно, данный процесс будет напоминать холодную войну второй половины XX века, хотя и в менее интенсивной форме. Однако это будет именно деглобализацией, поскольку текущий формат глобализации исчерпал себя.

Следует отметить, что Запад, осознав свое отставание от ряда стран, таких как Китай, пересмотрел свое отношение к глобализации. Были введены пошлины против китайских товаров, с рынка были удалены нежелательные игроки, а также предприняты попытки ограничить поставки определенных товаров. Это свидетельствует о том, что деглобализация является объективным процессом, в котором мы также участвуем.

Наиболее ярко данный процесс проявляется в энергетическом секторе, но в скором времени он затронет и другие сферы производства товаров и услуг, а также транспортную инфраструктуру.

Лично я верю в перспективы таких объединений, как БРИКС и ШОС. ОПЕК+ также является важным альянсом, но его будущее может быть менее стабильным по сравнению с БРИКС. Это связано с тем, что ОПЕК+ ориентирован исключительно на интересы экспортеров и касается только одного вида товара. Таким образом, его существование может быть ограничено во времени.

Однако в текущий момент ОПЕК+ играет важную роль, и в случае ценовой войны его отсутствие могло бы привести к негативным последствиям. Поэтому я считаю, что пока имеет смысл поддерживать данное объединение. Однако в будущем наша стратегия может измениться в зависимости от развития ситуации.

A. M.:

— Еще одним треком структурных сдвигов на рынках нефти является активное замещение российских поставок на европейских премиальных рынках поставками наших ближайших партнеров, таких как Казахстан, Азербайджан, Туркмения? В то же время мы знаем, что, например, у Казахстана, Туркмении есть обязательства по поставкам в Китай. При условном невысоком уровне роста добычи, особенно если мы говорим о Казахстане, по Тенгизу, все планы у них слетели, и только в этом году они ввели Тенгиз в разработку.

Скажите, с учетом того растущего энергодефицита, который есть у этих стран, каковы перспективы преодоления разногласий? А самое главное — как сочетается их желание угодить всем санкционным ограничениям, с точки зрения потенциала их перехода в суверенные решения по объединению своих усилий выхода на внешние рынки, а не открытой конкуренции с российскими экспортерами?

I. Ю.:

— Мы наблюдаем, что в условиях конкуренции на европейском рынке некоторые страны заявляют о намерении заместить Россию. Однако по мере развития ситуации становится очевидным, что национальные интересы играют ключевую роль в формировании внешнеэкономической политики этих государств. В этом контексте прагматизм выступает в качестве основного фактора, способствующего возобновлению сотрудничества с Россией.

Анализ ситуации на нефтяном рынке показывает, что в Азербайджане наблюдается сокращение добычи углеводородов, обусловленное естественным истощением месторождений. Это явление не связано с введением антироссийских санкций. Напротив, объемы добычи природного газа в стране увеличились, что позволило нарастить экспортные поставки. Однако эти тенденции были заложены в рамках долгосрочных проектов, таких как *TAP* и *TANAP*, еще до начала санкционного давления со стороны Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки.

В Казахстане сохраняется стабильный уровень добычи нефти, но наблюдается снижение объемов производства природного газа. Внутреннее потребление энергоресурсов продолжает расти, что приводит к необходимости импорта газа. В условиях увеличения спроса на энергоносители Казахстан рассматривает возможность поставок газа из России через систему «Транснефти» или Каспийский трубопроводный консорциум (КТК).

Аналогичная ситуация наблюдается и в Азербайджане. В прошлом страна закупала природный газ у «Газпрома» для удовлетворения внутреннего спроса, когда собственной добычи было недостаточно. В настоящее время существует вероятность, что в будущем Азербайджан может прибегнуть к импорту нефти из России для переработки и удовлетворения внутренних потребностей.

Таким образом, несмотря на краткосрочные попытки извлечь выгоду из конкуренции, долгосрочные интересы сторон диктуют необходимость взаимовыгодного сотрудничества. Прагматичный подход к внешнеэкономической деятельности способствует укреплению торговых отношений и обеспечивает стабильность на энергетическом рынке.

A. M.:

— Спасибо. Станислав Павлович, а как складывается ситуация на рынках газа. В последний летний период этого года был такой очень шумный и большой всплеск эмоций среди среднеазиатских стран по поводу решения Китая достроить четвертую ветку газопровода Центральная Азия — Китай. И в контексте этого решения вдруг пошли большие вбросы в медийную сферу о том, что республики региона, Киргизия, Таджикистан, ну и Узбекистан тоже будут отказываться от проекта реверса газа из России и полностью переходят в обозримой перспективе к обеспечению туркменским газом. Насколько эти желания реалистичны?

M. C.:

— Туркменистан обладает значительными запасами природного газа. Вопрос о том, насколько достоверны данные о наличии в стране больших объемов углеводородного сырья, остается дискуссионным. Некоторые специалисты высказывают сомнения в корректности оценок, проведенных западными консалтинговыми компаниями, в частности, компанией *Gaffney* более двух десятилетий назад. Туркменистан является закрытой страной, что затрудняет независимую оценку его энергетических ресурсов.

Статистические данные, публикуемые *British Petroleum* и ныне функционирующим *Energy Institute*, основаны на информации, предоставленной *Gaffney*. Хотя достоверность этих данных вызывает вопросы, нельзя отрицать наличие значительных запасов природного газа в Туркменистане.

Казахстан и Узбекистан, начавшие экспорт газа в Китай, стремились позиционировать себя как равноценные поставщики. Однако в настоящее время они сталкиваются с проблемой нехватки газа для удовлетворения внутренних потребностей и выполнения экспортных обязательств. Локальные климатические изменения, включая деградацию Аральского моря, привели к похолоданию зим в этих странах, что повысило спрос на газ.

Россия уже осуществляет поставки газа через Казахстан в Узбекистан. Ожидается, что эти поставки будут увеличены. Хотя объемы поставок в Центральную Азию значительно меньше, чем в Европу, они имеют стратегическое значение.

Туркменистан может частично компенсировать дефицит газа в Казахстане и Узбекистане, но зависимость от одного поставщика является неоптимальной. Китайские инвесторы, активно работающие в Туркменистане,

обеспечивают конкурентоспособные цены на газ для Китая. Однако мало-вероятно, что Туркменистан будет поставлять газ в Казахстан и Узбекистан в значительных объемах.

По оценкам, Казахстан и Узбекистан могут потреблять российский газ в объеме около 10 млрд куб. м в год с перспективой роста. Узбекистан планирует развивать химическую промышленность, что потребует увеличения потребления газа.

Россия реализовала свои атомные проекты в регионе. В Казахстане Росатом планирует строительство атомной электростанции. Китай также рассматривает возможность строительства второй атомной станции в этой стране. Потребность Казахстана в газе остается предметом дискуссий.

Росатом заключил контракт на поставку модульных малых атомных реакторов в Узбекистан, что может снизить потребление газа в регионе. Однако точные объемы и сроки реализации этих проектов пока не определены.

Китай продолжит наращивать потребление газа в будущем. Темпы роста потребления газа в Китае могут замедлиться, но страна останется одним из крупнейших потребителей энергоресурсов в мире. Перспективы поставок газа в Китай по трубопроводам и в сжиженном виде будут конкурировать. Успешные поставки газа по трубопроводам могут снизить спрос на СПГ, включая российские проекты.

A. M.:

— Спасибо. Резюмируя, мы можем сказать, что у нас на сегодня достаточно нестабильная ситуация. Качели под влиянием волатильности цен, спроса, предложения, торговые потоки колеблются и с учетом геополитических факторов, санкций и так далее, и с учетом интересов производителей и потребителей энергоресурсов. Поэтому мы можем подводить итоги в том смысле, что энергетический комплекс России в большей степени сохраняет стабильность и устойчивость в надежде на то, что в перспективе все узкие места, проблемные зоны удастся каким-то образом решить. В этой связи хотелось бы услышать ваши прогнозы на 2026 г.

M. C.:

— Пока что таких каких-то прорывных изменений не ожидается. Я думаю, что все эти сюжеты, связанные с возвращением на европейский рынок, можно будет делать, только когда и если острая фаза украинского кризиса завершится, а там это производная уже от военных сюжетов, сокращение украинской армии и так далее. Мне сложно сказать, когда это может произойти. Но то, что у нас не будет новых контрактов, не будет никаких поставок через турецкий хаб, пока не разрешится политический вопрос, это точно. Сначала нужно какую-то острую фазу кризиса завершить, а потом уже ставить вопрос о восстановлении поставок.

Да, еврокомиссар по энергетике сказал, что не вернемся, но это дискуссионный такой вопрос. Хавьер Блас, такой есть известный комментатор на «Блумберге», читаем мы все его, такой испанец, живущий в Лондоне, он говорил в 2023 г., они проводили в Оксфордском институте энергетических исследований мероприятие к вопросу о том, вернутся ли российские энергоресурсы в Европу. И вот у них было голосование. Кто верит «за» – поднимите руку. Кто верит «против» – не поднимайте руку. Он был среди тех, кто голосовал... он об этом написал статью, он об этом голосовал «за». Приводил пример исторический, когда происходило там и с Ираком, ну всякое происходило. Так что, я думаю, что могут вернуться.

Но, чем больше затягивается конфликт, тем меньше будет объема этого возвращения. Потому что перенастройка идет на новых партнеров. Они перестраиваются на новых партнеров. У них частично умирает энергоемкая индустрия. Кто-то этому сожалеет, кто-то радуется, переходим на новый мир, где будет у нас только производство каких-то там, сектора услуг, электроника, еще, может быть, фармакология. Но хотя это большая самонадеянность, потому что и фармакологию, и электронику могут производить и американцы, и китайцы. А то, что у вас было свое, – сильная химия, сильная металлургия, сильное машиностроение, – вы как раз теряете. То есть вы ради какого-то будущего, которое не гарантировано, отказываетесь от того, что у вас есть сейчас.

Ну как, открываем любой учебник по экономике или журнал какой-нибудь промышленный годов 70, 80, 90-х, там же немецкий завод, делающий машины. А это сейчас, получается, все уходит. Сама Урсула признала, что в автомобилестроении швах дело. Так что, и потом возвращаться особо будет некуда. Никто же не будет заново строить заводы-то в Европе. Есть в Китае заводы, что-то в Турции делается. Чем дольше конфликт затягивается, тем меньше вероятность, что восстановление отношений будет, по крайней мере, в полном масштабе. И другие поставщики в Европу тоже появляются. Мы знаем, что скоро будет переизбыток СПГ на рынке. Американские заводы ввозятся.

Америка – сверхдержава в сфере газа, круче России. Поэтому там скоро тоже будут новые заводы. В Катаре будут новые заводы. В Мозамбике даже. Там есть завод *Total*, значит, когда люди местные спаслись, когда их ИГИЛ запрещенный атаковал, и кончилось тем, что они сбежали в *Total* защищаться. Там была эта частная ЧВК, которая защищала. Сейчас вроде там с этими экстремистами порешали вопросы. Будет строиться завод опять в Мозамбике. То есть, СПГ будет много на рынке. Если еще Россия построит трубу в Китай, совсем будет сложно с СПГ. И поэтому... ну, в смысле, цены будут низкие, тут Европа скажет: «У нас тут газа хватает, зачем нам сейчас Россия?»

Поэтому моя идея простая: кто хочет сесть на позитивную повестку, всей Европы заодно восстанавливать, может быть, украинский транзит восстановится, может быть, это будет частью какого-то общего компромисса будущего, там реконструкции Украины и так далее. Чтобы это все восстановилось, это нужно делать быстрее. Если мы к этому вернемся через 10 лет, никто там, ни поставщик, ни потребитель, ни транзитеры, уже будут друг другу не нужны. Ну, то есть, все переключатся на новых партнеров, чтобы выбрать новые траектории развития.

А. М.:

— Последний вопрос, который я сегодня хотела бы задать. Игорь Валерьевич, вы об этом сказали, что сегодня мы можем с большей или меньшей степенью вероятности утверждать, что экспорт мы сохраняем, объемы добычи сохраняем, но ведь и те, кто вводят санкции, не ставят задачу себе полностью убрать российские поставки с рынка. Потому что это создаст дефицит на рынке и резкий рост цен, что в первую очередь будет невыгодно странам, инициирующим санкции. Вопрос в том, чтобы, как вы правильно сказали, найти такой оптимум, такой вариант поставки, который бы позволил сохранить не столько добычу и объемы экспорта, сколько доходность. Соответственно, это целенаправлено бьет и по компаниям, и по бюджету России. Вопрос: как?

И. Ю.:

— Я думаю, что для компании это пока приемлемый дисконт, который есть. Мы видели, что он особо не меняется. Но, безусловно, издержки у них большие, и те же самые ремонты НПЗ внеплановые, и подсанкционное оборудование для НПЗ, — то есть да, издержки у них растут, и это провоцирует рост цен, в том числе на внутреннем рынке, они пытаются откуда-то взять деньги. Поэтому ничего хорошего в санкциях нет, но тем не менее и катастрофы никакой не произошло, ни с компаниями, ни с бюджетом.

Наша задача — оптимизировать все эти затраты и в том числе и нашим азиатским партнерам показывать, что следующие — это вы, за вас возьмутся. Там то же самое — Китай, он никакую СВО свою не начинал, а санкции вводят регулярно: *Huawei*, микрочипы и все остальное. Поэтому, действительно, некое выстраивание такого нового рынка, что мы поставляем к ним и мы гарантируем надежность поставок, позволяет сохранять спрос именно на нашу нефть и углеводороды и добиваться того, что существенно дисконт этот не растет, несмотря на какую-то токсичность компаний. Поэтому будем надеяться, что все так и останется. Но опять же, СВО там будет не вечной, и я думаю, что эта определенная токсичность, наоборот, будет сокращаться по мере изменения политической ситуации, о чем Станислав Павлович уже сказал.

A. M.:

— Спасибо большое. Очевидно целесообразно придерживаться некоего усредненного сценария, который предполагает, что все-таки 2026 г. – это год санкций. Но при этом санкции как минимум в первой половине или в первом квартале будут усиливаться. Вопрос заключается в том, каким образом и какими механизмами мы сможем это нивелировать, с оптимистическими выводами и надеждой на то, что у нас есть запас прочности, для того чтобы разработать или выдержать санкционный пресс. Большое спасибо, коллеги.

RUSSIAN ENERGY EXPORTS AT THE END OF 2025: SANCTIONS RESTRICTIONS, LOGISTICAL CHALLENGES AND NEW GROWTH POINTS

DOI: 10.48137/26870703_2025_32_4_6

Received: 01.12.2025.

For citation: Russian Energy Exports at The End Of 2025: Sanctions Restrictions, Logistical Challenges and New Growth Points / A.A. Mihranyan, I.V. Yushkov, S.P. Mitrakhovich. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (32). P.6–27. DOI: 10.48137/26870703_2025_32_4_6

Keywords: global energy market, economic sanctions, Russian energy sector, oil and gas exports, reorientation of export flows, geopolitical factors, price volatility, energy transition

Abstract:

The purpose of the material is to analyze the transformation of the global energy market in the context of ongoing sanctions pressure on Russia, increased geopolitical turbulence and more complex supply logistics in the period up to the end of 2025. Key challenges for the Russian fuel and energy complex are considered, including changes in the structure of oil, gas and coal export flows, the growing role of Asian markets, as well as the impact of price volatility and the energy transition to strategic decisions of companies and the state.

Methodologically, the material is based on the format of a detailed expert interview with leading Russian experts in the field of global energy, combining elements of qualitative analysis, a scenario approach and a comparison of statistical estimates based on the results of 2022–2025. The discussion is structured around blocks on the sanction's regime, price conjuncture, infrastructural and financial constraints, as well as Russia's changing position in the global energy architecture.

As a result, an assessment of the sustainability of the current export model of the Russian fuel and energy complex is formulated, key areas of adaptation are identified – deepening the redistribution of flows in favor of Asian and Global South countries, developing alternative transport, logistics and financial infrastructure, as well as strengthening cooperation with non-Western partners. The practical significance of the material lies in the possibility of using the findings in shaping Russia's medium- and long-term energy policy, as well as corporate strategies in the context of continuing uncertainty in the global energy market.